2000-3
9366

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет менеджмента

История финансовой политики в России

Сборник статей

Санкт-Петербург
2000

Content

Introduction 3
N. Figurovskaya. On the Significance of the Historical Study of Financial Policy in Russia 9
G. Bogomazov, N. Drozdova. The Role of the State in Russian Economy at the End of the XIX – the Beginning of the XX cc. 15
S. Andryushin. Banking System in Russia: the Anthology of Reforms from Ancient Times till World War I 50
L. Shepelev. Legal Framework and Dynamics of Emergence of Joint Stock Companies in Russia prior to 1917 86
A. Dmitriev. Wine Taxes and Wine Monopoly in Russia in XIX – early XX cc 126
I. Eliseeva. The Policy Of Railway Tariffs in Russia 140
S. Belyayev. Russian-French Financial Relations During World War I (a study based on materials from the National Archives of France) 149
R. Genelin, M. Florinsky. Minister of Finance P. L. Bark in the Years of World War I (A study based on publications by A.N. Yakhontov and the materials from his archives) 179
A. Gorchakova. Tax System in Russia in 1920s 192
S. Kirdina. Some Features of the Financial Systems of Russia and the Countries of Western Europe: a Brief Historical Essay 206
D. Shilov. Ministers of Finance of Tsar's Russia 233
O. Drozdov. I. I. Kaufman and Russia's Public Finance Reforms . 262
B. Ananiech. Michael Bernatsky Economic Views 278
S. Vinogradov. Issues on History of Financial Policy in Russia in I. M. Koulisher's Works 288
L. Shirokorad. Problems of Financial Policy and Russian Finance History in Bukovetsky's Scientific and Teaching Activity 301
Authors 343
Summary 345

Содержание

Предисловие 3
Н. К. Фигуровская. Значение исследований истории финансовой политики в России 9
Г. Г. Богомазов, Н. П. Дроздова. Роль государства в экономике России в конце XIX–начале XX в. 15
С. А. Андрюшин. Банковская система России: антология реформ с древнейших времен до первой мировой войны . . . 50
Л. Е. Шепелёв. Акционерный капитал в России: политика и динамика развития 86
А. Л. Дмитриев. Винные налоги и винная монополия в России в XIX–начале XX в. 126
И. И. Елисеева. Политика железнодорожных тарифов в России 140
С. Г. Беляев. Из истории русско-французских финансовых отношений в годы первой мировой войны 149
Р. Ш. Ганелин, М. Ф. Флоринский. Министр финансов П. Л. Барк в годы первой мировой войны 179
А. Ю. Горчакова. Налоговая система России в 1920-х годах . . 192
С. Г. Кирдина. Некоторые особенности финансовых систем России и стран Западной Европы: краткий исторический очерк 206
Д. Н. Шилов. Министры финансов царской России: краткий обзор 233
О. А. Дроздов. И. И. Кауфман и совершенствование финансовой системы России 262
Б. В. Ананьич. Экономические взгляды М. В. Бернацкого . . . 278
С. М. Виноградов. Вопросы истории финансовой политики в России в работах И. М. Кулишера 288
Л. Д. Широкорад. Проблемы финансовой политики и истории финансов России в научной и педагогической деятельности А. И. Буковецкого 301
Краткие сведения об авторах 343
Summary 345

[25] Федерализм: Энциклопедический словарь. С. 257.

[26] Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 4 марта 1998 г., ст. 11, ч. 4 // Сб. законодательства Российской Федерации. 1998. №10. Ст. 1146.

[27] *Бессонова О. Э.* 1) Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. №3; 2) Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.

[28] Энциклопедический словарь. Т. 11. С. 710.

[29] *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1997. С. 141.

[30] Энциклопедический словарь. Т. 12. С. 507.

[31] Там же. Т. 7. С. 403.

[32] Там же. Т. 21. С. 36.

[33] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. С. 148.

[34] *Ключевский В. О.* Указ. соч. Т. 1. С. 169.

[35] *Стариков Е. Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996. С. 244.

[36] Энциклопедический словарь. Т. 9. С. 313–314.

[37] Определение термина «сдача» подробнее см. в указ. выше работах О. Э. Бессоновой.

[38] Энциклопедический словарь. Т. 20. С. 498.

[39] Там же. Т. 20. С. 499.

[40] *Платонов С. Ф.* Как возникли чети? (К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей) // Журн. М-ва нар. просвещения. 1892. Май. С. 162–163.

[41] *Лыкова Л.* Некоторые проблемы развития бюджетного федерализма в России // Федерализм. 1996. №1. С. 37–38.

[42] Энциклопедический словарь. Т. 35. С. 508.

[43] *Градовский А. Д.* Указ. соч. С. 25.

[44] Энциклопедический словарь. Т. 16. С. 835.

[45] *Любимцев Ю.* Финансовые кругообороты в системе федеративных отношений // Федерализм. 1998. №2 (10). С. 98.

Д. Н. Шилов

МИНИСТРЫ ФИНАНСОВ ЦАРСКОЙ РОССИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Семнадцать министров финансов Российской Империи (Алексей Иванович Васильев, 1802–1807; Федор Александрович Голубцов, 1807–1810; Дмитрий Александрович Гурьев, 1810–1823; Егор Францевич Канкрин, 1823–1844; Федор Павлович Вронченко, 1844–1852; Петр Федорович Брок, 1852–1858; Александр Максимович Княжевич, 1858–1862; Михаил Христофорович Рейтерн, 1862–1878; Самуил Алексеевич Грейг, 1878–1880; Александр Аггеевич Абаза, 1880–1881; Николай Христианович Бунге, 1881–1887; Иван Алексеевич Вышнеградский, 1887–1892; Сергей Юльевич Витте, 1892–1903; Эдуард Дмитриевич Плеске, 1903–1904; Владимир Николаевич Коковцов, 1904–1905 и 1906–1914; Иван Павлович Шипов, 1905–1906; Петр Львович Барк, 1914–1917) представляют собой особую группу государственных деятелей. Многие из них были лицами, для бюрократического мира нехарактерными. Нередко именно министр финансов оказывался «белой вороной» среди прочих своих коллег. Можно указать, например, на Бунге и Витте, людей чрезвычайно между собой несхожих, но равно отличавшихся от представителей петербургского чиновничества в манерах, стиле работы, методах руководства, общения с подчиненными и т. д.

Большинство министров финансов были видными и даже выдающимися государственными деятелями. Тем не менее отечественная историческая наука до последнего времени не уделяла должного внимания их судьбам. Совсем недавно вышли первые книги о Бунге и Витте[1] (о последнем защищено также несколько диссертаций[2]); нет современных монографических исследований о Васильеве, Канкрине, Рейтерне, Абазе, Вышнеградском, Коковцове, Барке.[3] Что же касается обзоров деятельности министров

финансов в целом, то после официального юбилейного издания 1902 г., содержащего интересные биографии руководителей ведомства до Витте включительно,[4] в наши дни опубликованы лишь брошюра С. Н. Петишкиной, которая посвящена главным образом экономической политике указанных лиц,[5] и статья А. В. Семенкова тезисного характера.[6] Поэтому предпринятое небольшое исследование может оказаться небесполезным. Оно основано на материалах составленного нами биографического справочника «Государственные деятели Российской Империи. 1802–1917 гг.».

Коротко коснемся некоторых биографических подробностей. Первый российский министр финансов, граф А. И. Васильев (1742–1807), был сыном сенатского чиновника и внуком секретаря Адмиралтейств-коллегии, выслужившего дворянство при Петре I. Поступив в 12 лет на службу в Сенат, Васильев сделал в этом учреждении свою карьеру, пройдя всю иерархическую лестницу от протоколиста до сенатора и затем государственного казначея. С последней должности он и был назначен министром финансов. Не получив, по-видимому, существенного образования, А. И. Васильев сумел пробиться наверх благодаря незаурядным талантам и поддержке генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского, правителем канцелярии которого он состоял с 1764 г. Последнее обстоятельство стало, пожалуй, определяющим в его судьбе: работая с Вяземским, Васильев оказался причастным к разработке ряда важных государственных мероприятий (составление общегосударственной окладной книги, устройство казенных палат, выработка свода законов по финансовой части для Уложенной комиссии). К концу правления Екатерины II Васильев был директором Медицинской коллегии и сенатором. Павел I долгое время был благосклонен к нему, назначил на ряд высоких должностей и пожаловал на коронацию в бароны. Лишь в конце 1800 г. Васильев, как и большинство екатерининских вельмож, был уволен в полную отставку. Но уже через несколько месяцев он был восстановлен во всех своих былых полномочиях, а на коронацию Александра I пожалован в графы. В сентябре 1802 г. А. И. Васильев оказался бесспорным кандидатом на пост министра и до

своей кончины пользовался полным доверием молодого императора.

Его преемник по должности и племянник Ф. А. Голубцов (1758–1829) бóльшую часть времени прослужил под опекой дяди. После окончания кадетского корпуса и недолгой военной карьеры он поступил в канцелярию генерал-прокурора князя А. А. Вяземского и, постепенно проходя ступени сенатской службы, в сентябре 1802 г. унаследовал от А. И. Васильева должность государственного казначея. С 1803 г. Голубцов — член Комитета министров; после отставки в 1810 г. с министерского поста — член Государственного совета. В 1812 г. Ф.А. Голубцов председательствовал в экономическом комитете петербургского дворянства по формированию ополчения, в 1819–1823 гг. — в комиссии по наследству генерал-лейтенанта Шувалова. Но в целом активного участия в государственной деятельности в последние два десятилетия своей жизни Голубцов не принимал, переехав на постоянное жительство в свое имение с. Волгово Петергофского уезда.

Третий министр финансов, Д. А. Гурьев (1757?–1825), как и А. И. Васильев, был потомком «петровского» дворянина, но состоявшего на военной службе. Отец его был бригадиром, мать принадлежала к столбовому дворянскому роду Еропкиных. Сам Гурьев начал службу рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку и поначалу продвигался весьма медленно: чтобы достигнуть чина поручика, ему понадобилось 10 лет. В 1786 г. Гурьев был пожалован в камер-юнкеры, но и придворная карьера его не пошла успешнее: к моменту кончины Екатерины II он продвинулся лишь на один чин и к 40 годам оставался камергером. Лишь после воцарения Павла I судьба его переменилась: в январе 1797 г. он был сделан гофмейстером двора наследника Александра Павловича, а в 1799 г. — сенатором. Отставленный в 1800 г. от службы, он был в августе 1801 г. возвращен Александром I ко двору и назначен управляющим Кабинетом е. и. в. При учреждении Министерства финансов Д. А. Гурьев стал товарищем А. И. Васильева, а в середине 1806 г. прибавил ко всем занимаемым постам звание министра уделов. Будучи министром финансов, Гурьев играл

заметную роль в Комитете министров и, по наблюдениям историка этого учреждения, был единственным, кто изредка решался возражать всесильному графу А. А. Аракчееву.[7] В награду за исполнение своих обязанностей в 1819 г. Гурьев был пожалован в графы. Составленный им проект административных преобразований уже после его кончины рассматривался в Комитете 6 декабря 1826 г. и вместе с другими оказал определенное влияние на отношение верховной власти к сложившемуся порядку управления.[8] Карьере Гурьева способствовала женитьба в 1785 г. на графине Прасковье Николаевне Салтыковой, получившей, уже после смерти мужа, на коронацию Николая I звание статс-дамы. В отличие от детей всех остальных министров финансов дети Д. А. Гурьева также занимали видные места на службе и в обществе: сыновья, Александр и Николай, были соответственно председателем Департамента государственной экономии Государственного совета и послом в Париже; дочь Мария вышла замуж за государственного канцлера и министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде.

Егор Францевич (Георг-Людвиг-Даниил) Канкрин (1774–1845) — человек с не совсем обычной и простой судьбой. Родился он в Гессене. Его отец, геолог и инженер, в 1784 г. поступил на русскую службу и занял должность управляющего Старорусскими соляными заводами. Канкрин-младший оставался в Германии, окончил классическую гимназию, затем Магдебургский университет, защитил диссертацию. В 1794 г. 20-летний юноша поступил на службу к герцогу Ангальт-Бернбургскому, а через три года был вызван отцом в Россию. Последующие годы были, пожалуй, самыми трудными для Канкрина: не получив в России никакого места, он был вынужден работать комиссионером, бухгалтером в конторе откупщика, учителем. Сам Е. Ф. Канкрин не без удовольствия впоследствии вспоминал об этой «школе жизни». Рассказывали, что однажды, уже на склоне лет, уличив в Государственном совете министра внутренних дел графа А. Г. Строганова в неверности его числовых выкладок и услышав в ответ: «Ведь я бухгалтером никогда не бывал!», Канкрин возразил: «А я, батюшка, был бухгалтером, был и конторщиком, но дураком никогда не был и не буду!».[9]

Служба Е. Ф. Канкрина началась в начале 1800 г., когда он получил место помощника управляющего у отца. В 1803–1809 гг. он был советником Министерства внутренних дел по соляным делам, затем инспектором над Петербургскими иностранными колониями. Взлет Канкрина начался после его знакомства с военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли, который в феврале 1811 г. предложил ему место помощника генерал-провиантмейстера Военного департамента. После начала войны с Наполеоном Канкрин стал генерал-интендантом в армии своего патрона, а в 1813 г. — и всей действующей армии. Должность эту он сохранил и в мирное время, до 1820 г. Именно на посту генерал-интенданта Канкрин приобрел репутацию выдающегося хозяйственника, доставившую ему в 1823 г. кресло министра финансов.

Последующие 20 лет в Министерстве финансов стали «эпохой Канкрина». Его деятельность на этом посту, как и всех прочих министров, не является предметом настоящей статьи. Отметим только, что она до сих пор не нашла достойного отражения в отечественной историографии.[10]

Строгий, чрезвычайно трудолюбивый и экономный как министр, Канкрин оставался таким и в частной жизни. Бедный в молодости, он оставил своим многочисленным детям каменный дом в Петербурге, более 4 тыс. душ мужского пола крестьян в нескольких южных губерниях и 30 тыс. десятин земли в Бессарабии. Николай I, не очень, по-видимому, любивший неуступчивого министра, тем не менее отдавал должное его государственным талантам: Канкрин при нем достиг высших чинов, орденов и в 1829 г. получил графский титул. Лишь болезнь, уже предвещавшая скорую кончину, заставила императора согласиться на его отставку.

Преемник Канкрина Ф. П. Вронченко (1779–1852) составил себе противоположную репутацию — общее мнение мемуаристов рисует его человеком ничтожных административных талантов и личных качеств, пародией на министра. Иногда столь резкой перемене находилось и рациональное обоснование: яко-

бы Николай I, посчитав себя достаточно компетентным в финансах, решил назначить министром слепого исполнителя своей воли.[11] Схожее объяснение давалось выбору Канкрином Вронченко себе в товарищи: «Канкрин, не желавший брать себе товарища (он признавал эту должность лишней), работавший всегда охотно и много, даже при больных глазах, — остановил наконец свой выбор на самом негодном из всех директоров своего обширного министерства...».[12]

Так это или не совсем так, но карьера Вронченко свидетельствует и о другом — о его недюжинных способностях. Сын белорусского священника, сам пробивший себе дорогу наверх, ставший министром, графом и андреевским кавалером, — типаж необычный, особенно для дореформенной эпохи. Вронченко чем-то похож на профессиональных бюрократов рубежа XIX–XX вв. — безземельный, холостой, с хорошим образованием (Ф. П. Вронченко был первым российским министром, получившим высшее образование в отечественном университете: в 1801 г. он окончил Московский университет с двумя медалями «за успехи в науках и похвальное поведение»), бóльшую часть жизни прослуживший по тому ведомству, которое ему было суждено возглавить. Первые 10 лет XIX в. Вронченко был чиновником канцелярии Н. Н. Новосильцова, а с октября 1810 г. служил в Министерстве финансов, постепенно пройдя должности начальника отделения канцелярии ведомства, директора Особенной канцелярии по кредитной части и товарища министра.

После кончины Вронченко министром финансов был назначен Петр (Феликс) Федорович Брок (1805–1875), сын штабротмистра «из иностранцев», тоже выпускник Московского университета. Он, пожалуй, наиболее «темная» фигура из всех министров финансов. Служба Брока началась в 1821 г. в ведомстве путей сообщения, в 1825 г. он перешел в Департамент внешней торговли Министерства финансов, в 1827 г. — в Заемный банк, а с 1831 по 1849 г. служил в канцелярии Комитета министров, где последние 5 лет занимал место помощника управляющего делами. В мае 1849 г. Ф. П. Вронченко взял Брока к себе в товарищи.

Министерская деятельность последнего пришлась на тяжелые годы Крымской войны и смены царствований, что, по-видимому, наложило некоторый отпечаток и на репутацию Брока как человека совершенно неспособного и бесцветного. Злой на язык, П. В. Долгоруков утверждал даже, что тот «был совершенно лишен самых начальных познаний в финансовых науках до такой степени, что, делая громадные эмиссии кредитных билетов во время последней войны, он был убежден, что это значило воевать даром».[13] Тем не менее карьера Брока не закончилась после отставки с поста министра: он остался членом Комитета финансов, а в январе 1862 г. Александр II доверил ему председательство в важнейшем из департаментов Государственного совета — Департаменте государственной экономии.

Брока сменил А. М. Княжевич (1792–1872), потомок сербского дворянского рода. Его отец, Максим Дмитриевич, переселился в Россию при Екатерине II и, поступив на службу, завершил ее статским советником. А. М. Княжевич родился в Уфе, в 1805 г. окончил Казанскую гимназию, а в 1808 г. — физико-математический факультет Казанского университета, причем на последнем курсе уже замещал профессора «чистой математики». В 1811 г. Княжевич поступил на службу в Экспедицию государственных доходов и в 1815 г., как способный чиновник, был командирован в помощь Е. Ф. Канкрину, ведшему в Вене переговоры с бывшими союзниками о возмещении расходов по содержанию русской армии. В результате еще во время управления министерством Д. А. Гурьева, в 1821 г., Княжевич был назначен начальником отделения Департамента государственного казначейства. При Канкрине А. М. Княжевич стал в 1831 г. директором Общей канцелярии министра, а в начале 1844 г. — директором Департамента государственного казначейства. Кроме того, в 1832 г. на него было возложено управление делами Комитета об усовершенствовании земледелия в России. В конце царствования Николая I Княжевич был назначен в Сенат, а после воцарения Александра II — почетным опекуном и управляющим Петербургской сохранной казной, оставшись в звании сенатора и с конца 1857 г.

исполняя обязанности первоприсутствующего в Департаменте герольдии.

В министры финансов А. М. Княжевич попал благодаря своей деловой репутации, которая, однако, не получила должного подтверждения: 66-летний Княжевич был слишком стар для реформаторской деятельности и новых идей. В результате вскоре после его назначения Александр II стал готовить ему замену в лице М. Х. Рейтерна.

М. Х. Рейтерн (1820–1890) принадлежал уже к другому поколению государственных деятелей. Он был сыном небогатого лифляндского дворянина, служившего в российской армии и достигшего чина генерал-лейтенанта и должности командира Бугской уланской дивизии. Отец скончался, когда Рейтерну было 11 лет, и мальчика, как сына умершего генерала, приняли в Царскосельский лицей. В конце 1839 г. он окончил его с «серебряной медалью №3 за успехи в науках». Вместе с ним из лицея вышли будущие министры народного просвещения А. В. Головнин и А. П. Николаи — первый с большой золотой медалью, второй — с серебряной медалью №2.[14]

Как лицеист и медалист, Рейтерн смог поступить на службу сразу в центральные учреждения с чином 9-го класса. Несколько лет он провел в Министерстве финансов, затем перешел в судебное ведомство чиновником особых поручений, а в 1847–1854 гг. был товарищем герольдмейстера. В 1854 г. великий князь Константин Николаевич пригласил его на службу в Морское ведомство, а после восшествия на престол Александра II отправил Рейтерна в трехлетнюю командировку в Западную Европу и США «для сбора сведений, к усовершенствованию счетоводства относящихся». По возвращении в сентябре 1858 г. М. Х. Рейтерн был пожалован в статс-секретари е.и.в., и хотя не занял, по неимению достаточно высокого чина и опыта, ключевого поста в правительстве (с конца 1858 г. Рейтерн — управляющий делами Комитета железных дорог, а с начала 1860 г. — Комитета финансов), но в петербургском обществе уже начались разговоры о нем как о будущем министре финансов. Очевидно, император, получив рекомендацию от своего брата, намеренно готовил Рейтерна к занятию этого поста.

М. Х. Рейтерн стал наиболее долголетним министром финансов пореформенной эпохи — он занимал эту должность более 18 лет и ушел в отставку по собственной воле. С одной стороны, стабильности его положения способствовало полное доверие к нему со стороны Александра II. По свидетельству современника, на протяжении 18 лет «все поступавшие на имя Государя записки, проекты и предложения, касавшиеся государственного хозяйства, предварительно какого-либо движения передаваемы были на заключение Михаила Христофоровича». С другой стороны, своими долголетними успехами он был обязан «отличительным чертам своего характера — методичности и практическому складу своего ума, постоянству, с которым он шаг за шагом приступал к осуществлению своего плана, с терпением преодолевая встречавшиеся на пути препятствия, не унывая при неудачах, осторожности в проведении задуманных мер и громадной выдержке в спорах с политическими противниками».[15] Наконец, и найти достойного преемника Рейтерну Александр II затруднялся. Сначала он предполагал (во второй половине 1860-х гг.) выдвинуть на эту должность симпатичного ему С. А. Грейга, бывшего адъютанта великого князя Константина Николаевича, и в 1866 г. назначил его товарищем министра к Рейтерну. Но знаний у Грейга оказалось недостаточно, Рейтерн остался[16] и ушел только летом 1878 г., после окончания Русско-турецкой войны, против которой он выступал, как подрывающей финансовое положение страны.

Уважение к государственным талантам М. Х. Рейтерна испытывал и Александр III. В октябре 1881 г. он назначил Рейтерна председателем Комитета министров, а на коронацию пожаловал ему алмазные знаки к ордену Андрея Первозванного. Резкое ослабление зрения вынудило бывшего министра в конце 1886 г. уйти в отставку. За полгода до кончины его, в январе 1890 г., император пожаловал его в графы, по достоинству оценив таким образом заслуги государственного деятеля, не имевшего ни семьи, ни поместий и все свое время и силы отдавшего службе.

Преемником Рейтерна в Министерстве финансов все-таки стал С. А. Грейг (1827–1887), всю свою жизнь числившийся в лейб-гвардии Конном полку и ходивший в адъютантах сначала у князя А. С. Меншикова, а затем у великого князя Константина Николаевича. После уже описанного выше пребывания товарищем министра у Рейтерна он был в январе 1874 г. назначен государственным контролером. На этом посту Грейг приобрел неожиданную известность. Обладая феноменальной памятью и незаурядными ораторскими способностями, он прославился в Государственном совете своей беспощадной критикой сметных предположений всех ведомств. Грейга стали бояться и уважать.[17] И Александр II рискнул-таки назначить его на министерский пост, на котором он продержался немногим более 2 лет, после чего политическая карьера С. А. Грейга была окончена, и он всецело предался своей главной страсти — садоводству.

Десятым по счету министром финансов стал А. А. Абаза (1821–1895), молдаванин по происхождению, потомственный откупщик и сахарозаводчик. Он и родился на Боровнинском винокуренном заводе. Отец его, Аггей Васильевич, крупный помещик и промышленник, выслужил чин действительного статского советника. В 1839 г. Александр окончил юридический факультет Петербургского университета и по собственному желанию поступил на военную службу. В 1843 г. он участвовал в экспедиции против горцев, был тяжело ранен в руку, вследствие чего в 1847 г. вышел в отставку.

Десять лет Абаза успешно наращивал семейное состояние, занимаясь сельским хозяйством и откупным промыслом, а в октябре 1857 г. был приглашен великой княгиней Еленой Павловной состоять при ее дворе. Через год она поручила ему заведовать гофмейстерской частью своего двора, чем Абаза долгое время и занимался, сопровождая патронессу во всех поездках по России и Западной Европе. В свободное время он исполнял обязанности председателя Петербургского губернского земского собрания, члена Совета государственных кредитных учреждений по выбору от петербургского дворянства, а также Комитета железных дорог и Совета министра финансов. Уже тогда его имя называлось в числе претендентов на кресло министра финансов, но Александр II не доверял биржевому игроку и откупщику.

Тем не менее в 1871 г. Абаза стал государственным контролером, а в 1874 г. — председателем Департамента государственной экономии, зарекомендовав себя государственным деятелем с большим умом и широким практическим кругозором. В тяжелом октябре 1880 г. Александр II, по настояниям М. Т. Лорис-Меликова, все-таки назначил А. А. Абазу министром финансов. Но министерская деятельность Абазы оказалась очень короткой: цареубийство, смена политического курса, прозвучавшая в Манифесте 29 апреля, вынудили его просить об отставке, которая легко была принята Александром III. Правда, через 3 года Абаза вернулся к более активной государственной деятельности, вновь возглавив Департамент государственной экономии. В последнем он председательствовал более 8 лет и был уволен, после того как император узнал об использовании им служебной информации для игры на бирже.[18]

В мае 1881 г. министром финансов стал Н.Х. Бунге (1823–1895) — ученый, писатель, бывший профессор и преподаватель старшего сына Александра II. Он был сыном киевского доктора Христиана Георгиевича Бунге и Екатерины Николаевны Гебенер. По окончании гимназии с золотой медалью и юридического факультета Университета Св. Владимира в Киеве Бунге в 1847 г. защитил магистерскую диссертацию и стал преподавателем Нежинского лицея. С 1850 по 1880 г. Н. Х. Бунге — преподаватель (сначала адъюнкт, потом профессор) Университета Св. Владимира, его декан и (дважды) ректор. В 1852 г. им была защищена докторская диссертация. В 1859–1860 гг. Бунге участвовал в работе редакционных комиссий в Петербурге, а с 1862 г. управлял Киевской конторой Государственного банка. Одновременно он много писал по экономическим, хозяйственным, правовым вопросам: список изданных им книг, статей, заметок и рецензий составляет около полутора сотен названий.

Летом 1880 г. Н. Х. Бунге согласился принять должность товарища министра финансов, а через 10 месяцев стал управляющим министерством. Его заслуги как министра финансов, как это теперь признается, долгое время недооценивались.[19] Именно им было заложено общее направление экономического развития страны, которое было развито его преемниками, в первую очередь И. А. Вышнеградским и С. Ю. Витте. По мнению его близкого сотрудника В. И. Ковалевского, назначение Бунге «внесло живую струю во всю деятельность Министерства финансов и поставило перед ним новые задачи. Бунге приехал в Петербург с готовой программой, сложившейся у него, когда он еще занимал профессорскую кафедру в Киеве».[20] Новые веяния олицетворялись демократической фигурой нового министра, к которому каждый, имеющий к нему дело, легко мог найти доступ. «Маленький, на тонких ножках худой немчик, которому вы, наверно, открыли бы ваш рояль для настройки, если б не знали, что он министр финансов, а не настройщик[...], — вспоминал о Бунге бывший чиновник Министерства финансов и весьма ироничный мемуарист П. М. Ковалевский. — Тихие, малолюдные ежедневные приемы опять заняли место раутов. Каждое утро, минута в минуту в назначенный час неслышно выходила из кабинета едва заметная фигура настройщика, вполголоса спрашивала каждого: желаете со мною говорить [...]? И без шума исчезала. Зато желавшие говорить могли действительно говорить. Полчаса таких разговоров в кабинете выясняли вопрос вполне и давали ему должное разрешение».[21]

Как известно, Александр III не был согласен со многими идеями Бунге, но, испытывая уважение к образованным людям вообще, не мог не уважать его и за выдающиеся личные качества. Поэтому уход Н. Х. Бунге с поста министра был весьма почетен — он сменил Рейтерна на посту председателя Комитета министров. И здесь Бунге оказался «на своем месте», много способствовал работам по постройке Сибирской железной дороги, умело руководил прениями коллег, а при необходимости и проявлял настойчивость, за отсутствие которой его не без основания упрекали в бытность министром.[22]

Преемником Бунге стал И. А. Вышнеградский (1831–1895), тоже бывший профессор. Сын священника, он в 1845 г. окончил Тверскую семинарию, после чего уволился из духовного звания и поступил на физико-математический факультет Главного педагогического института в Петербурге, который окончил в 1851 г. с серебряной медалью и званием старшего учителя. Три года Вышнеградский преподавал математику во 2-м кадетском корпусе, а затем перешел в Михайловскую артиллерийскую академию. Совершив в 1860–1862 гг. заграничную командировку, И. А. Вышнеградский стал профессором механики в Петербургском технологическом институте и одновременно с 1867 г. служил инженером при Главном артиллерийском управлении. С 1875 г. Вышнеградский — директор Технологического института. Государственную службу профессор удачно совмещал с участием в ряде коммерческих предприятий. В 1878 г. он был избран членом правления, а впоследствии — вице-председателем Общества Юго-Западных железных дорог, вследствие чего отказался от директорства в Технологическом институте, оставшись только профессором. В апреле 1886 г. Вышнеградский стал членом Государственного совета, а еще через 8 месяцев вступил в управление Министерством финансов. К этому моменту бывший попович обладал миллионным состоянием.

Из всех лиц, занимавших пост министра финансов, И. А. Вышнеградский составил себе наиболее громкое имя как ученый. Ему принадлежит ряд изобретений и новых теоретических курсов, при нем была коренным образом реформирована научно-исследовательская работа Петербургского технологического института. Вышнеградский считается основоположником теорий конструирования машин и регулирования. Труды ученого не потеряли своей научной значимости и много лет спустя, о чем свидетельствует их переиздание в СССР в 1949 г.

В смысле личных качеств репутация Вышнеградского была едва ли не противоположна репутации его предшественника — Н. Х. Бунге. Ему приписывались многие грехи, свойственные «темной» стороне предпринимательской деятельности: бесприн-

ципность, лживость, корыстолюбие, презрение к государственным интересам ради личной выгоды. Впрочем, и сам И. А. Вышнеградский не стеснялся говорить об этом. Став министром и оберегая интересы казны, он прямо признавался в неправильности своих действий по отношению к государственным интересам в бытность предпринимателем — и считал это нормальным.[23]

Сделавшись министром финансов, Вышнеградский ушел с головой в работу, вникал во все дела, мелкие и крупные, не стесняясь ни временем, ни рангом. Усомнившись в представленных числовых выкладках, мог сам сесть все пересчитывать. Подобный «профессорский» подход к обязанностям министра фатальным образом сказался на его здоровье: Вышнеградский надорвался и в августе 1892 г. ушел в отставку (не без помощи своего преемника) и 2 года спустя скончался.

Его место занял С. Ю. Витте (1849–1915). Обрисовать несколькими штрихами личность этого, пожалуй, наиболее выдающегося из всех министров Российской Империи — задача непосильная. Среди мемуаристов, публицистов, историков существуют самые разные оценки как его государственной деятельности, так и человеческих качеств. Потому отметим лишь некоторые факты из его жизни.

Судя по архивным документам, предки Витте к дворянству не принадлежали, по крайней мере к дворянству поместному. Его дед, Иоганн-Фридрих-Вильгельм (1782–1846) был потомственным «ферштером» Курляндской губернии и выслужил чин титулярного советника; бабка, Мария Крамер, была дочерью землемера. Отец Витте, Юлий Федорович (Христофор-Генрих-Георг-Юлиус) (1814–1868), был ученым человеком: он окончил Петербургский межевой институт (1834), Августовский агрономический институт при Дерптском университете (1837) и Тарантский агрономический институт под Дрезденом (1839), начав, таким образом, службу сравнительно поздно — в 25 лет. Проходила она сначала в Петербурге, затем в Саратове, а с 1846 г. — на Кавказе, где Юлий Федорович принимал также активное участие в деятельности местного общества сельского хозяйства.[24]

Сам Сергей Юльевич начальное образование получил дома, а в 1870 г. окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. Поначалу его служба не пошла успешно, и в 1877 г. Витте оставил ее и перешел в частное Общество Юго-Западных железных дорог, где быстро выдвинулся до поста управляющего дорогами. После катастрофы в Борках, нечаянно предсказанной С. Ю. Витте, Александр III лично пригласил его занять пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, с которого Витте через 3 года был назначен управляющим Министерством путей сообщения, а еще через полгода — Министерством финансов.

Поначалу появление Витте в Петербурге произвело неприятное, если не сказать эпатирующее, впечатление на высшее общество. По словам очевидца, «поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южнорусскими особенностями: ходата́йство, верства, у́чебный, плацформа, сельские хозяева́ — резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении. Однако мало-помалу эти экстравагантные черты частью стирались, частью к ним попривыкли».[25]

Государственные заслуги С. Ю. Витте — реформа золотого денежного обращения, Портсмутский мир (России с Японией), Манифест 17 октября — известны и множество раз обсуждались мемуаристами и историками. Нам кажется, что справедлива общая оценка Витте как административного деятеля, данная его ближайшим сотрудником по Министерству финансов В. И. Ковалевским: «Во всяком случае, пред нами большой человек, человек сильного ума, твердой воли, бьющей оригинальности во внешности, образе мыслей и действий, с совершенно особым нравственным укладом [...] В нем все было крупно и рельефно — и достоинства, и недостатки».[26]

Преемник Витте, Эдуард Дмитриевич (Эдуард-Теодор) Плеске (1852–1904), внук купца 3-й гильдии и сын командира лейб-гвардии Саперного батальона, как государственный деятель был

полной противоположностью Витте. Скромный чиновник, всю свою жизнь прослуживший в Министерстве финансов, человек высоких нравственных достоинств, Плеске не был честолюбив и не рассчитывал занять пост министра. С 1872 г. он был служащим Департамента окладных сборов, с 1888 г. — его вице-директором, в 1889–1894 гг. — сначала вице-директором, а затем директором Особенной канцелярии по кредитной части, а с 1894 г. бессменно управлял Государственным банком. Назначение настигло его неожиданно. Заместить Витте для Э. Д. Плеске было задачей непосильной. Не отличаясь и до того крепким здоровьем, Плеске вскоре тяжело заболел, уже через полгода был вынужден оставить должность министра и 2 месяца спустя скончался.

После Плеске министром финансов стал В. Н. Коковцов (1853–1943), потомок бедного, но старого дворянского рода, сын подполковника Корпуса инженеров путей сообщения. По окончании Александровского лицея юноша намеревался продолжить образование в Петербургском университете, но внезапная смерть отца вынудила его поступить на службу. Первые 7 лет Коковцов провел в Министерстве юстиции, затем еще 11 — в Главном тюремном управлении Министерства внутренних дел. В 1890 г. он перешел на службу в Государственную канцелярию, откуда началось его стремительное восхождение к министерскому креслу: помощник статс-секретаря Департамента государственной экономии (1890–1892), статс-секретарь (1892–1895), товарищ государственного секретаря (1895–1896) и министра финансов (1896–1902), государственный секретарь (1902–1904).

Служащие Государственной канцелярии на рубеже XIX–XX вв. приобрели положение своеобразной гражданской «гвардии», давшей, в частности, немалое число министров. От чиновников других ведомств их отличал здоровый корпоративный дух: значимость служащего в канцелярии зависела в первую очередь от его личных талантов, а не от чинов, звезд, связей и тому подобных составляющих бюрократического мира. Важная законотворческая работа распределялась по способностям, а не по должностям или стажу; каждый мог (и это приветствовалось), не стесняясь, высказывать свои соображения по делу. Предметом гордости канцелярии был ее особый стиль, передававшийся и шлифовавшийся со времен Сперанского, возводивший делопроизводство на уровень высокого искусства и в то же время практичный, необходимый для реальной государственной деятельности.[27]

В целом деятельность В. Н. Коковцова на посту министра финансов благоприятно оценивалась современниками. Он сам всегда подчеркивал, что «не был новатором в деле управления русскими финансами и не предложил новых путей для экономического развития страны», стараясь всего лишь «сберечь, охранить и развить» то, что было достигнуто его предшественниками.[28] Такое отношение к собственным заслугам, кстати отмеченным весьма высокой и редкой наградой — графским титулом, тем более примечательно, что сам Коковцов был человеком честолюбивым и упрямым. Последнее качество, выражавшееся, в частности, в готовности часами спорить о каждой мелочи, создавало в Совете министров вокруг него «атмосферу некоторого раздражения».[29] Не было министра, у которого не возникло бы когда-нибудь конфликта с Коковцовым. Не случайно, когда последнего в 1914 г. заменил П. Л. Барк, который стал неожиданно легко одобрять предположения новых расходов, морской министр И. К. Григорович удивленно заметил: «Да, перемена большая... Владимир Николаевич удавился бы, но не согласился бы».[30] Тем не менее именно «чрезвычайная осторожность нового министра и несклонность его к рискованным экспериментам, а также его спокойный, выдержанный характер» считались современниками большим плюсом В. Н. Коковцова.[31]

После отставки с министерского поста в январе 1914 г. Коковцов был членом и председателем 2-го департамента (в 1916–1917 гг.) Государственного совета. Претерпев немало мытарств после Октябрьского переворота, он вместе с семьей бежал из России и четверть века прожил в Париже, играя заметную роль в общественной жизни русской колонии в столице Франции. Вместе со своей женой, Анной Федоровной Оом (1860–1950), он похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Между двумя назначениями Коковцова министром финансов полгода пробыл И. П. Шипов (1865–1918?). Потомок старинного дворянского рода, выпускник Александровского лицея, он начал свою службу в Министерстве финансов, затем 3 года провел в канцелярии Комитета министров и вновь вернулся в Министерство финансов. При Витте Шипов был сначала вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части (1894–1897), затем директором общей канцелярии министра (1897–1902) и Департамента государственного казначейства (с 1902 г.).

В октябре 1905 г. Витте выдвинул Шипова из директоров департамента сразу в министры финансов в своем «кабинете». Это было вызвано не столько способностями И. П. Шипова (сам Витте называл его талантливым чиновником, не имеющим никаких государственных взглядов[32]), сколько стремлением премьера получить лояльного исполнителя на важнейшем правительственном посту. «Чувствовалось, — писал управлявший в ту пору Государственным банком С. И. Тимашев, — что это назначение, в сущности, возвращает финансовое управление в владение его прежнего начальника — графа Витте...».[33]

После отставки в апреле 1906 г. Шипов занимал скромное место члена Совета Государственного банка (1906–1908), затем год был министром торговли и промышленности, после чего был назначен членом Государственного совета, а в 1914 г. — управляющим Государственным банком. На этой должности он пережил революцию, эпоху Временного правительства и только в ноябре 1917 г., вступив в конфликт с Советом Народных Комиссаров, был вынужден уехать из Петрограда на Кавказские Минеральные Воды, где вскоре скончался.

Последний министр финансов Российской Империи П. Л. Барк (1869–1937) был сыном управляющего Великоанадольским лесничеством (в Екатеринославской губернии) коллежского советника Людвига-Генриха Барка (1835–1882) и Юлии Петровны Тимченко (1849–1931). В 1892 г. Петр окончил юридический факультет Петербургского университета и поступил на службу в Министерство финансов. Предметом его занятий

стало банковское дело, для изучения которого и исполнения своих обязанностей он ежегодно командировался в Западную Европу. В 1895 г. он перешел на службу в Государственный банк и в 1897 г. стал директором его Петербургской конторы. Состоя на службе, он одновременно вошел в правления ряда банков (Русско-Китайского и Учетно-ссудного банка Персии) и коммерческих предприятий (член совета и товарищ председателя фондового отдела Петербургской биржи, директор правления Общества Энзели-Тегеранской железной дороги и Персидского страхового и транспортного общества).

Будучи с января 1906 г. товарищем управляющего Государственным банком, Барк тем не менее тяготился службой и сначала перешел на необременительную должность в Министерстве внутренних дел, а в 1907 г. и вовсе вышел в отставку. Влиятельные друзья из бюрократического мира убедили его вернуться на службу: в августе 1911 г. Барк занял пост товарища министра торговли и промышленности. Но и частную службу он не оставил, так что при назначении министром финансов был вынужден примириться чуть ли не с десятикратным уменьшением своего жалования. Последнее произвело немалое впечатление на Николая II.

Во время пребывания товарищем министра и министром деловая репутация Барка была невысока.[34] Нам представляется, что до известной степени здесь имело место смешение моральных качеств человека с его государственными деяниями. Потому, например, иначе выглядит последний министр финансов в воспоминаниях близко наблюдавшего его в Совете министров А. Н. Яхонтова. У него Барк «всегда ровный, спокойный и систематичный», говорит «убедительно и уверенно», по значительным вопросам держится принципиально, но избегает резкостей в мелочах, в разрешении расходов высказывает «несомненную широту, особенно на нужды обороны, на культурные запросы и на производительные мероприятия в экономической области» и в Совете министров твердо держится линии «не возбуждать ни излишнего оптимизма, ни малодушного пессимизма».[35]

Один из немногих, П. Л. Барк сумел хорошо устроиться в эмиграции, где служил советником управляющего Банком Англии. Кроме того, он стал поверенным английского короля, который поручил ему ведение дел членов русской императорской фамилии.[36] За это он был награжден орденом и незадолго до смерти получил титул баронета. Похоронен П. Л. Барк на русском кладбище Caucade в Ницце, вместе с матерью, женой (баронессой Софьей Леопольдовной фон Бер), дочерью и зятем (Семеновы-Тян-Шанские).

В чем же необычность этой группы министров? Прежде всего обратим внимание на их карьеры. В большинстве ведомств к началу XX в. наблюдается тенденция к профессионализации бюрократического опыта у лиц, занимавших министерские посты. Складываются стандартные «пути в министры». Например, в Министерстве внутренних дел он выглядел так: уездный предводитель дворянства — губернский предводитель или вице-губернатор — губернатор — ключевая должность в центральном аппарате министерства (директор департамента или товарищ министра) — министр (с небольшими вариациями, пропусками и т. п.). Не так было в Министерстве финансов. Общая для других министров карьерная схема наблюдается в нем эпохой раньше — в первые 60 лет XIX в., когда, за исключением Гурьева и Канкрина, все министры начинали карьеру по финансовому ведомству с самого низа и имели за плечами по 20–30 лет службы в нем к моменту назначения на руководящий пост. Выдвижение происходило автоматически, за отсутствием других кандидатов: трое стали министрами финансов из товарищей, двое — из государственных казначеев (должность, близкая по характеру к товарищеской). Только Княжевич вместо этой ступени из директоров департаментов шагнул в Сенат. А вот карьера Канкрина была бы характерной для пореформенной эпохи — он выдвинулся благодаря своей деловой репутации.

Карьеры наиболее видных пореформенных министров не были связаны со сколько-нибудь продолжительной службой в Министерстве финансов. «Константиновец» Рейтерн сменил несколько ведомств, нигде подолгу не задерживаясь; Бунге был «чи-

стым» профессором; Вышнеградский — профессором-дельцом; Абаза — придворным, крупнейшим помещиком и биржевым игроком; Витте — железнодорожным деятелем. Обстоятельства назначения каждого из них тоже необычны, нехарактерны для чиновного мира. Причина, на наш взгляд, очевидна: с 1860-х гг. министры финансов должны были обладать совершенно особыми качествами и познаниями, чтобы успешно руководить экономической жизнью страны. Поэтому их выбор зависел, как нам кажется, прежде всего от способностей кандидатов, их деловой репутации, а уж потом — от их бюрократической опытности, связей и т. д.

Талантливый министр приносил с собой в ведомство и особый стиль работы, особые отношения со служащими. У каждого из них они были свои, индивидуальные, но равно подчиненные прежде всего интересам дела. Так, например, Е. Ф. Канкрин с мягкостью в обращении совмещал чрезвычайную простоту и скромность жизни, а также невероятное трудолюбие. Забавную и вместе с тем характерную сцену описывает К. И. Фишер — Канкрин здоровается с детьми. «Он протягивал руку, закусив трубку; не глядя на здоровающегося, продолжал писать; почувствовав поцелуй, клал руку на плечо приветствующего, поворачивал его и давал легкий толчок в спину, не говоря ни слова». За работой министр никогда не прерывался и никого не принимал, причем «никогда не употреблял обычного способа отказывать в приеме отзывом, что его *дома нет*, а говорил просто, что *занят*», но обещал, если посетитель был важный, приехать к нему после.[37]

Но если в дореформенную эпоху наряду со «стилем Канкрина» был возможен и стиль самодура Вронченко,[38] то начиная с 1860-х гг. мы видим совсем иные примеры. О Рейтерне современник говорит, что он никогда не давал особых поручений чиновникам, не спросив предварительно на то их согласия.[39] Бунге, вообще удачно подбиравший людей, вопреки бюрократическим традициям не стеснялся приглашать служащих к себе «на чай», чтобы обсудить те или иные вопросы.[40] При его преемнике И. А. Вышнеградском, по свидетельству одного из чиновников, в ведомстве «почувствовался какой-то новый дух». Сначала министр «пред-

писал, чтобы служба начиналась обязательно с 11 часов» (до того — с часу дня); «личные еженедельные доклады министру потребовали особо напряженного труда от докладчиков, начальников отделений», так как «Вышнеградский, живо интересуясь докладами, не всегда ограничивался пределами самого докладываемого вопроса, а нередко задавал и попутные вопросы, доставая при том для своих ссылок книги из шкафов своей библиотеки. Нередко к докладам стали привлекаться — чего прежде не бывало — не только начальники отделений, но и [...] столоначальники, как более близко знакомые с деталями дела». При Витте формализма «стало еще меньше. Он всегда отличался простым и чуждым официальности отношением к служащим, и это не только облегчало их работу, а было, конечно, полезно и для самого дела, ибо язык докладчиков не был связан никаким церемониалом, и они могли достаточно свободно высказывать свои мысли и мнения».[41] Терпимый к возражениям, удивительно трудоспособный, Витте «быстро схватывал руководящие идеи и кардинальные доводы. В работе его интересовала основная мысль и общее направление [...] К ближайшим сотрудникам он относился с большим доверием и предоставлял им широкую самостоятельность и большой почин. За час-полтора времени проходило в его кабинете много докладов. Шаблонные он пропускал, либо молчаливым кивком головы, либо лаконическим "дальше"».[42]

Деятельность целого ряда министров финансов удостоилась исключительных наград. Особо следует сказать о графских пожалованиях. Если в дореформенную эпоху этот титул был сравнительно широко распространенным отличием и пожалования Гурьева, Канкрина и Вронченко соответствовали обычаю, то за два последних царствования из шести подобных отличий, данных руководителям ведомств, половина приходилась на бывших министров финансов (Рейтерн, Витте, Коковцов).

Есть и другие факты, подчеркивающие особое положение министров финансов. Так, в пореформенную эпоху происходит их заметное омоложение: если до 1855 г. средний возраст министра финансов составлял около 61 года, то после — только 53. Уместно будет заметить, что средний возраст всех министров вообще в эти два периода одинаков — около 56 лет. Инертные старики вроде Ф. П. Вронченко или А. М. Княжевича уже совершенно невозможны в эпоху Бунге и Витте.

Затем, министры финансов — самая демократичная группа среди всех российских руководителей ведомств: 11 человек из 17 (т. е. почти две трети) не принадлежали к потомственным дворянам. Только среди министров финансов мы не найдем ни одного титулованного аристократа — во главе всех остальных ведомств они были.

Отличались министры финансов и уровнем образованности. За исключением дипломатов, среди них раньше всего возникла тенденция к его повышению — еще в царствование Николая I. И Канкрин, и Вронченко, и Брок — выпускники университетов, причем два последних получили образование в России. В пореформенную эпоху четверо из одиннадцати министров финансов окончили Александровский лицей, причем лицеисты в этот период управляли ведомством 50% времени. Из 7 министров с физико-математическим образованием двое были министрами финансов (Витте и Вышнеградский).

Отметим далее, что среди них много потомков иностранцев и инославных — 11 из 17. В пореформенную эпоху русско-православные корни имели только трое — Вышнеградский, Коковцов и Шипов. Все остальные (Княжевич, Рейтерн, Грейг, Абаза, Бунге, Витте, Плеске, Барк) были потомками обрусевших чиновников, в основном из прибалтийских немцев.

В имущественном отношении министры финансов мало отличались от своих коллег из других ведомств: среди них приблизительно такой же, как и в среднем по всему министерскому корпусу, процент безземельных, мелких, средних и крупных помещиков. Примеры Абазы, Вышнеградского, Витте, Барка показывают также, что представители министерского корпуса все чаще связывали свое благосостояние с новыми формами коммерческой деятельности: участием в правлениях банков, акционерных обществ и т. д.

Особо следует коснуться вопроса о коррупции среди министров финансов. В дореформенную эпоху некоторых из них упрекали в злоупотреблениях и, по-видимому, не всегда безосновательно.[43] В пореформенный период ситуация изменилась не только благодаря качественным переменам внутри бюрократии, но и вследствие тех особых условий, в которых стала протекать деятельность министра финансов, из-за пристального внимания общества к ней. С. Ю. Витте, например, говорил Александру III, что «министр финансов у нас в России обставлен так, что делать злоупотребления он не может. Всякий министр финансов находится как бы под стеклянным колпаком, вследствие чего все его сотрудники видят каждый его шаг, каждое его действие. Делать какие-нибудь злоупотребления в том смысле, чтобы брать какие-нибудь деньги от кого бы то ни было под каким бы то ни было видом, министр финансов не может, ибо он не может взять деньги так, чтобы некоторые — несколько других человек — этого не знали, а достаточно, чтобы об этом знало несколько человек, чтобы это сию же минуту сделалось общеизвестным».[44] С другой стороны, министр мог иметь не афишируемые им, но законные источники дохода. Так, из воспоминаний В. И. Ковалевского мы узнаем, что министры финансов до Н. Х. Бунге обычно получали отчисления за успешные конверсии и займы.[45]

Средний срок пребывания в должности у министров финансов немного больше, чем в общем у всех министров (6.5 лет против 5.5). Однако в отличие от всех остальных он приблизительно одинаков во все царствования, тогда как в целом стабильность министров Николая I более чем в 4 раза превышает стабильность министров Николая II. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что, во-первых, хорошему министру финансов было непросто подобрать замену, а во-вторых, что занимать эту должность более определенного числа лет было нелегко: и человек изматывался, и обстоятельства изменялись, требуя новых экономических решений.

Чтобы достигнуть поста министра финансов, человеку нужно было многим пожертвовать, в частности, как можно видеть, семьей. Особенно это характерно для пореформенной эпохи: Рейтерн и Бунге были холосты; Абаза, Витте и Коковцов имели только по одной дочери. Среди всех министров финансов ни один не имел более 5 детей, тогда как среди руководителей иных ведомств немало обладателей более многочисленных семей (по 7–10 детей).

У многих министров финансов были ученые и литературные труды. Канкрин, кроме книг и статей по экономическим вопросам, писал очерки по археологии, географии и сельскому хозяйству. В молодости увлекался литературой Княжевич, издававший, вместе со своим братом, журнал «Библиотека для чтения» и печатавший в нем собственные сочинения и переводы. В 1860-х гг. сотрудничал в аксаковском «Дне» Абаза. О литературных трудах Бунге мы уже говорили выше; немало научных исследований и курсов опубликовал Вышнеградский. Работы Витте были посвящены в основном насущным политическим проблемам; единичные публикации на экономические темы были у Коковцова и Шипова.

Наконец, 5 министров финансов оставили мемуары. Наиболее известны из них, конечно, интереснейшие и тенденциозные воспоминания С. Ю. Витте, породившие десятки научных и публицистических изысканий и даже ставшие предметом диссертационной работы.[46] Столь же обширны, более объективны, но гораздо менее занимательны мемуары В.Н. Коковцова, два тома из которых вышли в 1933 г. в Париже и несколько лет тому назад переизданы в России.[47] Путевые дневники Е. Ф. Канкрина за 1840–1845 гг. были изданы в 1865 г. в Берлине на немецком языке. Написанные по-английски воспоминания П. Л. Барка в русском переводе были, по-видимому частично, опубликованы в парижском журнале русской эмиграции «Возрождение» в 1965–1967 гг. Мемуарные отрывки, написанные М. Х. Рейтерном, были изданы в приложении к его биографическому очерку в 1910 г.[48] Не так уж и много, если учесть, что двое из пятерых писали свои воспоминания на вынужденном эмигрантском досуге.

В заключение еще раз укажем на особенность типов государственных деятелей, которую мы наблюдаем в среде министров финансов. В то время как везде министерствами руководили «уни-

версалы», чиновники с произвольным служебным опытом, без специализации, Министерство финансов уже возглавляли профессиональные бюрократы-финансисты. Когда в других ведомствах началась профессионализация, в Министерство финансов пришли способные государственные деятели, на чиновничий стаж которых внимание вообще не обращалось. Остается предположить, что такова в общих чертах была основная тенденция смены типов министров в Российской Империи на протяжении XIX–начала XX в. — от «универсалов» к «специалистам» и от «специалистов» к государственным деятелям с особыми способностями и широким политическим кругозором. Отчасти, как нам кажется, эта тенденция в других ведомствах сказалась в появлении группы министров из Государственной канцелярии, в которой происходил более жесткий отбор способных чиновников. Но должное завершение указанная тенденция получила только в Министерстве финансов, выступавшем как бы на шаг впереди остальных.

Примечания

[1] *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998; *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге : судьба реформатора. М., 1998 (на основе кандидатской диссертации автора, защищенной в 1987 г.).

[2] *Жуйкова Т. Н.* Государственная деятельность С. Ю. Витте (1880–1903 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995; *Цечоева М. И.* Социально-экономические реформы С. Ю. Витте и их последствия (1892–1903 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Колонтаева А. В.* С. Ю. Витте и аграрный вопрос в России (1892–1906 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

[3] О Канкрине, правда, есть обширная дореволюционная литература, но она вся, за редким исключением, популярного характера (*Сементковский Р. И.* Е. Ф. Канкрин: Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893; *Лебедев В. А.* Гр. Е. Ф. Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Божерянов И. Н.* Гр. Е. Ф. Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управляющим Министерства финансов. СПб., 1897), а также несколько небольших современных очерков по отдельным вопросам его политики как министра; о Вышнеградском имеются диссертация и ряд статей (*Андронов А. А.* И. А. Вышнеградский // Люди русской науки. М., 1965. Кн. 4; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономической политики России XIX–XX вв. Л., 1972; *Лазуткин А. А.* Роль железнодорожной политики в стабилизации финансовой системы Российской Империи в министерство И. А. Вышнеградского (1887–1892 гг.) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1993. №6; *Он же.* Стабилизация финансовой системы Российской Империи в министерство И. А. Вышнеградского (1887–1892) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Степанов В. Л.* И. А. Вышнеградский // Отечественная история. 1993. №4, и еще несколько статей популярного характера); о Рейтерне и Барке изданы статьи (*Степанов В.Л.* 1) М. Х. Рейтерн // Отечественная история. 1994. №6; 2) М. Х. Рейтерн // Российские реформаторы (XIX–начало XX в.). М., 1995; *Беляев С.Г.* П.Л. Барк: этапы карьеры // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7). О деятельности прочих министров финансов научных работ нет вообще.

[4] Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1–2.

[5] *Петишкина С.Н.* Министры финансов России XIX в.: (Краткие очерки о государственной деятельности). М., 1995.

[6] *Семенков А.В.* Министры финансов России: (От Васильева до Витте) // Министерству финансов России 190 лет. М., 1993. С. 30–37.

[7] *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 43–44.

[8] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 74; 1894. Т. 90.

[9] *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860–1867. СПб., 1992. С. 358.

[10] Наиболее фундаментальным исследованием по данной проблеме нам представляется монография американского историка В. Пинтнера (см.: *Pintner W.* Russia economic policy under Nicholas I. Ithaca; New York, 1967).

[11] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 155.

[12] Власти предержащие: (Из посмертных бумаг П. М. Ковалевского) : На Мойке // Русская старина. 1909. №5. С. 230.

[13] *Долгоруков П.В.* Указ. соч. С. 480.

[14] Количество разных медалей, которыми награждались выпускники Царскосельского (Александровского) лицея за успехи в учебе, не было определенным. Обычно давались одна большая и одна малая золотые медали и несколько серебряных.

[15] *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 193, л. 7.

[16] Власти предержащие. С. 235–237.

[17] Там же. С. 237–238.

[18] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.; Таллинн, 1994. Т. 1. С. 236–240.

[19] *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. С. 4. Справедливости ради отметим, что в кругах экономистов о больших, чем это признавалось, заслугах Бунге говорилось еще в начале века (см., например: *Покровский Н. Н.* Комитет министров и его канцелярия в 1890-х гг. // РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 39, л. 3 об.).

[20] *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Л., 1991. Кн. 2. С. 28.

[21] Власти предержащие. С. 245.

[22] Так, Бунге настоял перед Николаем II, через месяц после кончины Александра III, на увольнении одного из назначенных последним министров —

А. К. Кривошеина, уличенного в служебных злоупотреблениях (см.: *Покровский Н. Н.* Комитет министров..., л. 5–5 об.). Критики Бунге указывали в его деятельности на посту министра недостатки, «большей частью свойственные профессорской среде: некоторая узкость, педантичность, доктринерство и теоретичность» (см.: *Путилов А.С.* Воспоминания // РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 217, л. 6). Но и они, как правило, не отрицали его заслуг.

[23] *Ковалевский В.И.* Указ. соч. С. 44.

[24] Таким образом, род Витте знатностью не отличался. Со слов Н.Н. Кутлера в статье о бывшем его начальнике в «Новом энциклопедическом словаре» пошло кочевать по изданиям генеалогическое древо Витте, начинающееся в XVI в. в Голландии. Читатели словаря, надо полагать, представляли себе Витте как потомка двух древних дворянских родов — русского и голландско-немецкого. Мы, однако, видим, что это не так. Примечательно, что сам Витте в своих мемуарах умалчивает о деде и очень скупо говорит об отце, сразу перескакивая на «Фадеевско-Долгоруковскую», т. е. материнскую линию. Здесь тоже не все ясно. О союзе своих родителей он говорит следующее: «Когда дед [Фадеев] был губернатором в Саратове, министр внутренних дел того времени Перовский командировал в Саратовскую губернию моего отца, дворянина Витте, как специалиста по сельскому хозяйству. Там отец влюбился в мою мать и женился на ней» (см.: *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 13). Однако есть факт, нарушающий эту идиллию: брак Ю. Ф. Витте с дочерью губернатора был заключен 7 января 1844 г., а их первенец Александр родился 22 мая того же года (см.: РГИА, ф. 1343, оп. 18, д. 2687).

[25] *Ковалевский В. И.* Указ. соч. С. 59.

[26] Там же. С. 58. Нам кажется, что многое в действиях Витте предопределялось разным отношением к нему императоров: Александра III и Николая II (особенно в 1900-е гг.). Отсюда, например, два полярных толкования одной и той же стороны характера. Для В. И. Ковалевского Витте в конце XIX в. — «борец сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприща для состязания, и когда встречал противника, вступал с ним в решительный бой» (см.: Там же). Иначе судит А. С. Путилов, человек следующего поколения, который с известной долей справедливости говорит о Витте, что «прирожденная трусость и впечатлительность не раз сводили на нет все положительные его качества», намекая, по-видимому, на роль Витте в событиях 1905–1906 гг. (см.: *Путилов А.С.* Воспоминания, л. 14).

[27] *Любимов Д. Н.* Русское смутное время начала девятидесятых годов. 1902–1906: (События и люди: По воспоминаниям, личным запискам и документам) // РГАЛИ, ф. 1447, оп. 1, д. 39, л. 15–16; *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, №765, л. 80–85.

[28] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 300.

[29] *Тимашев С. И.* Записки: Кабинет Столыпина // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 111.

[30] *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914–июль 1915 г.): Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Там же. Кн. 7. С. 331.

[31] *Тимашев С. И.* Записки. 1903–1906 гг. // РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 11.

[32] *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 358.

[33] *Тимашев С. И.* Записки. 1903–1906 гг., л. 38.

[34] См. об этом: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк. С. 64.

[35] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 330–331.

[36] *Беляев С. Г.* Указ. соч. С. 65.

[37] Записки сенатора К. И. Фишера // Ист. вестник. 1905. №1. С. 64–65.

[38] См. об этом, например: Записки петербургского чиновника старого времени (П. И. Голубева) // Русский архив. 1896. №5. С. 79–83; Власти предержащие. С. 231–233.

[39] Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб., 1911. Т. 2. С. 39.

[40] *Покровский Н. Н.* Комитет министров..., л. 4.

[41] *Прилежаев В.В.* Воспоминания // РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 45, л. 2, 3–3 об.

[42] *Ковалевский В. И.* Указ. соч. С. 66.

[43] Укажем, например, на П. Ф. Брока, составившего себе капитал за 4 года министерства (см.: Записки сенатора К. И. Фишера. С. 66).

[44] *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 274.

[45] *Ковалевский В. И.* Указ. соч. С. 84.

[46] *Ткаченко М. А.* «Воспоминания» С. Ю. Витте: Вопросы источниковедческого анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

[47] Первая, неопубликованная часть мемуаров «Воспоминания детства и лицейской поры гр. В. Н. Коковцова» хранится в Бахметьевском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США).

[48] *Куломзин А. Н., Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: биографический очерк. СПб., 1910.

О. А. Дроздов

И. И. КАУФМАН И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Осмысление опыта и уроков финансовых преобразований в России во второй половине XIX в. имеет большое значение, так как в этот период в стране ставились и во многом успешно решались задачи создания условий для ускоренного перехода к экономике, базирующейся на рыночном механизме. Эти задачи во многом реализовывались на основе совершенствования финансовой системы страны, что привело в конечном счете к стабилизации последней.

Понятно, что мероприятия, позволившие стабилизировать финансовую систему страны на рубеже XIX–XX вв., осуществлялись в ходе напряженной деятельности правительства и ключевых органов финансовой системы. Стабилизация финансовой системы страны во многом и результат теснейшего сотрудничества правительства и профессиональных ученых-экономистов. Именно поэтому было бы полезным продолжить осмысление теоретического наследия и практической деятельности известных русских ученых-экономистов, специалистов в области финансов, и в особенности тех ученых, которые принимали участие в деятельности финансовых органов России в рассматриваемый период.

В числе последних видное место занимает Илларион Игнатьевич Кауфман. Как отмечал Л. В. Ходский, И. И. Кауфман наряду с В. Т. Судейкиным, Н. К. Бржеским, М. П. Кашкаровым «сочетал научную разработку финансовых вопросов» с практической деятельностью. Занимаясь научной и педагогической деятельностью, И. И. Кауфман, писал М. И. Боголепов, «одновременно... состоит на службе по Министерству финансов и участвует здесь в разработке многих вопросов».[1]

К сожалению, сегодня И. И. Кауфман известен преимущественно историкам экономической мысли России. Однако в конце XIX в. он считался крупным специалистом в области финансов, денег и кредита. Не случайно М. И. Туган-Барановским, а за ним и другими видными отечественными учеными И. И. Кауфман признан идейным вдохновителем денежной реформы 1895–1898 гг. в России.[2] Н. К. Фигуровская считает И. И. Кауфмана автором экономического обоснования денежной реформы.[3] Д. А. Лоевецкий отмечал, что денежная реформа конца XIX в. в России проходила «под сильным влиянием проф. Кауфмана».[4]

Обращение к теоретическому наследию и практической деятельности И. И. Кауфмана тем более уместно, что он совмещал научную и педагогическую деятельность в Санкт-Петербургском университете с работой в ряде ключевых институтов финансовой системы дореволюционной России. Он длительное время плодотворно трудился в Центральном статистическом комитете и Статистическом совете, в Государственном контроле, в Совете Государственного банка России (в 1903 г. И. И. Кауфман становится председателем ревизионного органа этого банка, а в 1907 г. он был назначен заместителем управляющего Государственным банком), в Комитете финансов. К началу денежной реформы 1895–1898 гг. И. И. Кауфман являлся членом совета особого отдела Дворянского земельного банка, принимал участие в решении важных вопросов работы Государственного казначейства и Кредитной канцелярии. В. Е. Власенко считает, что через ряд названных ключевых институтов финансовой системы страны И. И. Кауфман участвовал в определении общей экономической политики царской России.[5] А. И. Буковецкий писал, что длительное время все правительственные материалы были открыты лишь ближайшим сотрудникам С. Ю. Витте по денежной реформе 1895–1898 гг. в России — И. И. Кауфману, И. П. Шипову и Б. Ф. Малишевскому.[6]

И. И. Кауфман родился 5 (17 ст. ст.) июля 1845 г. в Одессе в купеческой семье. Высшее образование он получил в Харьковском университете, который окончил со степенью кандидата прав в 1869 г. В университете он учился на юридическом факультете, но